

Копипаста:Срееру:Зелёная дверь — Lurkmore

Разумеется, он был пьян в стельку. Только очень пьяный человек станет рассказывать подобные вещи случайному собутыльнику в грязном темном баре, где играет отвратительная музыка, подают не первой свежести пиво по цене втрое выше, чем в магазине и вдесятеро выше цены, которой оно заслуживает, где тараканы спокойно беседуют, шевеля усами, на липкой стойке, за которой дремлет потасканного вида девица, которая обращает на окружающий ее мир внимания не больше, чем на следы чьего-то перепоя в углу. Таких вещей не рассказывают порой даже самым близким людям - из боязни показаться сумасшедшим. Но на дне его глаз, красных от выпивки и слезящихся от табачного дыма, столь густого, что его можно было зачерпнуть стаканом, не светился - сиял желтым огнем столь неподдельный ужас, что понимание пришло сразу - он страстно желал бы, чтобы выслушавший его человек воскликнул: "Да ты совсем сумасшедший! Такого быть просто не может!". Тогда он, вздохнув облегченно, пошел бы к врачу, рассказал о кошмаре, который преследует его, и врач, человек с добрым и всепонимающим взором, сделал бы ему укол и отправил отдохнуть пару месяцев в тихое место, где в палате на четыре койки живут такие же, как он, сумасшедшие - каждый со своим кошмаром, который никогда не был явью. Знать, что это была галлюцинация, бред, страшный сон - вот была бы награда для него. Но его придавливало к земле осознание одного факта - это было, было в реальности, и это не только его кошмар. Кто знает, сколько еще людей были там? Сколько вернулось? И сколько сейчас сидит всю ночь в грязных барах, лишь бы не заснуть, смотря на мир сквозь красную пелену бессонницы, ходят на работу, как сонные мухи лишь потому, что не смогли побороть любопытство?

- Ты в детстве любила читать? - повернулся ко мне прилично одетый мужчина лет тридцати восьми, а может, сорока, только что залпом засосавший стакан водки и, судя по его виду, далеко не первый в этот вечер. Глаза его слезились, разило от него, как от старого алкаша, но щеки были гладко выбриты.

Я не люблю общаться с пьянчугами, особенно в таких местах, где следующим предложением будет "пошли ко мне, выпьем и все такое". Я вообще случайно забрела в этот бар в чужом городе, но до поезда оставалось еще три часа, и сидеть на вокзале с бомжами в обнимку мне не особенно хотелось. Я открыла рот, чтобы, как обычно в таких случаях, вежливо объяснить, что ценю тишину и покой, за чем обычно грубо посылаю, а если и это не помогает - то следует удар, но его лицо, а особенно - взгляд, остановили меня. Я поняла, что этот человек не намерен ни приставать ко мне, ни тем более нарываться. Он просто отчаянно хочет выговориться, а я, как незнакомый человек, который через три часа растворится в ночи, чтобы никогда больше в его жизни не появиться, являюсь идеальным объектом для этого.

- Да, любила, - ответила я, выжидающе глядя на него. Скорее всего, сейчас последует вопрос, любила ли я любовные романы и слезливая история о покинутом и одиноком печальном мужчине. Или нет?

- Я тоже. Особенно я любил Уэллса. Сначала меня очаровала и напугала "Война миров", больше у нас дома ничего не было, но после я взял в библиотеке сборник рассказов. Пожалуй, это единственная вещь, которую я за свою жизнь украл. Я не вернул ее, потому что не смог с ней расстаться, понимаешь?

Я кивнула. Сама-то я за свою жизнь зачитала в библиотеках огромное количество книг. Тем не менее, беседа начала меня занимать, я отчаянно надеялась, что его рассказ меня не разочарует. Судя по всему, этот человек интересен, и хотя он едва ворочал языком, мыслил он ясно и излагал не хуже.

- Знаешь, от какого рассказа я не мог оторваться и перечитал его раз пятьдесят? "Зеленая дверь". Господи, как я хотел когда-нибудь найти эту дверь! Чтобы там было ясное небо, красивые дома, доброжелательно настроенные дети, которые не прогонят меня, а сразу позовут играть. И та леди, которая накормила его вкусным обедом... Я говорил себе, что если бы нашел такую дверь, остался бы за ней навсегда. Ч-черт, если б я знал... Как же теперь я ненавижу этот рассказ! Эй, належ-ка мне еще! - крикнул он девице за стойкой. Та вздрогнула, подняв голову и разлепив веки. Затем она посмотрела на него так, словно он был собачьим экскрементом, прилипшим к туфле.

- У тебя деньги-то есть? Сидишь тут весь вечер, алкаш. Плати давай, с тебя восемьдесят три рубля сорок копеек. Он безропотно полез во внутренний карман пиджака, достал оттуда потертый бумажник, в котором нашлась единственная пятидесятирублевка.

- Слушай, я тебе в среду принесу, - моляще обратился он к девице. - У меня получка в среду.

- Не ври, не принесешь ты ничего. Давай деньги, или сейчас мента позову, - у разбуженной девицы в глазах вспыхнуло пламя непримиримой борьбы. А у моего собеседника был вид одновременно униженный и полный того странного достоинства, которое присуще некогда уважаемым, но теперь опустившимся людям.

- Да будь же ты человеком! - с отчаянием воскликнул он, но тут я достала из кошелька две сотни и протянула девице.

- Пожалуйста, наливайте, пока хватает, - попросила я. Девица взяла деньги, смерив меня уничтожающим взглядом, но налила два стакана водки. Придвинув свой к себе, я принялась крутить его по стойке. Собеседник же выпил свой залпом, поморщился, занюхал рукавом.

- Спасибо, - сказал он и протянул руку. - Сергей.

Я пожалала его руку и представилась, но он замахал на меня руками.

- Не надо, не говори мне, как тебя зовут. Я хочу тебе рассказать одну историю, а если мы будем знакомы, то я ничего тебе не расскажу.

Я пожалала плечами, отхлебнула из стакана, запила кока-колой.

- Так на чем я остановился? Ах, да, на мечте найти зеленую дверь в белой стене. Честно говоря, я удивлялся, как она могла оказаться в Лондоне. Потому что мне не нужно было ее искать, я точно знал, где она находится. Только у Уэллса она исчезала, а моя-то всегда на месте была. Но я мечтал ее найти, потому что у меня никогда не хватало духу просто открыть ее и заглянуть вовнутрь. Не то, чтобы я боялся. То есть я, конечно, боялся. Боялся увидеть за ней то, что там и должно быть - сырой грязный подвал, почуять вонь затхлой воды. А я хотел, чтобы все, как в рассказе.

- Ты так туда и не пошел? - спросила я, потому что он замолчал, обхватив стакан ладонями и глядя в него, как в колодец.

- Да нет, пошел. И не один раз. Но ты не торопи меня. Мне об этом трудно говорить.

- Почему?

- Потому что мне страшно.

Тут замолчала я. Страшно?

- Мне было лет пятнадцать тогда. Я даже ребенком в чудеса не верил. Ужасно хотел верить, заставлял себя, но даже в Деда Мороза не верил никогда, да и с аистом мне все было ясно. Бывало, сижу, мечтаю, зажмурую глаза, потому что ожидание чуда было очень сильно, думал - открою их, и увижу чудо. Но когда уже был готов, внутри говорил голос - да не будет там ничего, ерунда это все. И никаких чудес не происходило. А вот в тот вечер случилось поверить. Я был у друга на дне рождения, там впервые в жизни попробовал спиртного и напился в стельку. Сейчас я еще трезвый, а тогда "мама" сказать не мог. Я приполз домой на карачках, в дверь постучал, мать открыла да и говорит мне: "Иди-ка сперва протрезвей, свинья, потом домой иди". Я даже просить ее не стал, мамочка у меня была кремень-баба, покойница. И я вышел на улицу, была осень, конец октября. Ливень холоднющий, ветер жуткий, я промок до нитки, хоть выжимай. А тут смотрю - тот самый дом. Был у нас дом один, белый такой, никто в нем не жил. Он на снос шел, но все никак его не сносили. А рядом с подъездом, знаешь, такие двери, где мусоропровод? Вот в том доме был мусоропровод, хоть он и старый был. А тамошняя дверь была зеленая. Облупленная, грязная, но все же зеленая дверь в белой стене. И я как раз мимо того дома и шел. Дверь в подъезд заколочена была, да и та тоже, но тут смотрю - открыта. А у меня знаешь, какое настроение было! Мне плохо, я перепил, мне холодно, мать выгнала, да я еще на днях с девчонкой своей рассорился, ну, думаю, будь что будет! Зайду сейчас в зеленую дверь, а там солнце, тепло и все меня любят. Там и останусь. Ну и зашел.

- И что? - я подалась вперед. Рассказ захватил меня целиком. Может, он и врет, но до чего же складно врет, собака! Можно слушать весь вечер.

- Водки налей, красавица! - он снова потревожил девицу. Та налила, не открывая глаз. Сергей выдохнул, зажмурился и заглотнул водку, как жидкое пламя. Я забеспокоилась было, что он отрубится раньше, чем доскажет, что же увидел за дверью, но его, похоже, не брало. Он протянул руку и откусил от бутерброда, который растягивал на весь вечер, малюсенький кусочек и уставился на меня.

- А ты чего не пьешь? Ночь долгая, а я долго говорить буду. Ты лучше выпей, я-то уж малость поуспокоился, а тебе первый раз слушать. Я знаю, о чем говорю. Я посмотрела еще раз на его красные глаза, на его черные волосы, тут и там пронизанные сединой. Что же там было? Я послушно хлебнула еще водки и вновь обратилась в слух.

- Открыл я дверь. Смотрю - паутина, лопата старая в углу стоит, пустая пачка сигаретная смятая лежит. Только вот одно необычно - в таких каморках и повернуться-то негде, а эта здоровущая такая. Но я думаю - дом-то старый, там все помещения большие, почему бы и этому здоровенным не быть? Ничего-то здесь нет, думаю, но хоть дождь не каплет. Сижу на каком-то ящике, вдруг слышу - откуда-то из угла смех доносится, девичий смех, звонкий такой! И мне тут в голову приходит - Маринка! Башка-то пьяная, не соображаю, откуда Маринке взяться в пол-второго ночи в каморке мусорной! Я встаю, говорю: Марин, это ты? А сам вижу, Маринка в углу стоит. Голая совсем, волосы по плечам рассыпались, улыбается, смеется, рукой манит. Я как сумасшедший стал, мальчишка совсем, девки голой отродясь не видал. В глазах потемнело, бросился я к ней, бегу, а сам раздеваюсь на ходу. Пиджак сбросил, рубаху содрал вместе с пуговицами, из ботинок просто выпрыгнул. Вот только я шаги делаю, а она ближе не становится. Главное, бегу-то уже минуто, не меньше. Таких помещений быть не может, чтоб вот так за минуто не пробежать! Вот бегу без ботинок, в носках да брюках, тут Маринка остановилась. Смотрю, а стою я на траве, как в рассказе. Только там день был ясный, а тут ночь, да какая! Луна полная, огромная, в полнеба, как на Марсе каком-нибудь, красная как кровь, но похоже, как будто на небе нарисованная, потому что вокруг кроме этой самой луны да Маринки не видно ничего. А вот Маринка светится, таким светом голубоватым, как привидение в фильме. Стоит она, смотрит на меня, а я остановился. У меня весь хмель из башки вылетел. И тут понимаю, что это не Маринка. Но повторяю, а голос-то дрожит: "Марин, это ты?". И тут

она ко мне подходит, обняла меня, прижимается, у меня все торчком, но сам понимаю - не хочу я это, чем бы оно ни было. Но с собой ничего поделаться не могу. Тут чувствую - боль дикая в спине, где ее руки. Я ее было от себя оторвал, отпихнул подальше, да только без толку. У меня руки через нее прошли. А она улыбается, по мне руками водит, спереди, по груди. Смотрю, а там, где она провела, кровяшка ручьем стекает. Тут я заорал во всю мочь и обратно бежать бросился. Бегу, а она за мной плывет, смеется этим своим смешком развратным и время от времени меня рукой - рраз, раз, я ору, а она за мной. Так вот, туда я с минуту бежал, а оттуда - полчаса. Никогда бегать не умел, а тут лечу, как птица. Я думаю, я в ту ночь олимпийский рекорд поставил. А все равно выбирался дольше, чем забирался.

Он без слов толкнул стакан через стойку. Стакан задержался на самом краю, покачался там, но падать не стал. Девушка, очнувшись, вновь налила. Его била крупная дрожь, как всегда бывает, когда что-то рассказываешь, что давно мучает. Я поняла, что мы с девушкой - первые слушатели этой истории. Возможно, что и последние.

- Я оттуда удрал тогда. Вылетел, как ошпаренный. Приполз домой. Матери сказал, что меня избили и ограбили - я ж в одних штанах да носках домой приполз. И вот, веришь или нет, с того вечера и до прошлой недели я не выпивал больше трех рюмок вина, и то по праздникам. Не, еще один раз был. На следующий день мне казалось все это просто кошмаром. Чего в бреду не привидится. Да и память мне подсунула каких-то четверых пьяных парней, которые меня отколошматили за то, что в чужой район спьяну влез. Смотри!

Он расстегнул рубашку. На его груди росла густая шерсть. Везде, кроме двух мест. Длинные полосы шрамов тянулись по его груди, начинаясь наверху как отпечатки ладоней. Семипалых ладоней. Меня как током ударило. Я смотрела на эти шрамы, не в силах поверить в то, что вижу. Я в шрамах толк знаю, и могу точно сказать - такие шрамы остаются, когда с какого-либо места срезается кожа. Не вся, но очень толстый верхний слой.

- Господи, как ты сознание тогда не потерял? - прошептала я, протягивая руку, чтобы дотронуться. Но он внезапно взволнованно воскликнул:

- Ты мне веришь? Ты веришь? Это было, я не псих, это было! Или не было? Скажи-ка мне, было или нет?

- Судя по шрамам, было, - сказала я.

- У меня еще на спине таких несколько. Ты ладони видишь, отпечатались? Могут такие ладони быть, ты мне скажи?

Я покачала головой. Ужас, пылающий в его глазах, казался мне теперь отражением моего собственного. Я отхлебнула добрых полстакана, чтобы унять дрожь.

- Хочешь слушать дальше? - спросил он, пристально глядя на меня. - Ты скажи, если не хочешь, я пойму. Я и сам бы не хотел такое слушать.

- Да, хочу, - ответила я, но не была уверена в этом. Но теперь, после того, что он уже рассказал, я не чувствовала себя вправе оставить человека наедине с его кошмаром.

- Марина умерла через три дня, - продолжал Сергей, уставившись на свои руки, сложенные на коленях. - Я был на ее похоронах, хотя меня трясло, когда я туда шел. Все вместе на меня обрушилось, я любил ее безумно, а тут мне звонит ее мать и говорит: "Мариночку током ударило, в ванной. Она умерла сегодня в три часа ночи". Она говорит сквозь рыдания, а я сам стою, как пришибленный. Потом чувствую - задыхаюсь. Я от горя онемел, что сказать, не знаю, и тут как молнией - смех ее в этой каморке, руки, которы с меня заживо кожу сдирали. И словно сон наяву - все вижу, вот стена, телефон, окно, но все вижу как будто через нее, она напротив меня стоит, улыбается, смеется. Ее мать слышу, а ее смех в ушах звенит. Потом все пропало. Когда ее хоронили, я сзади всех шел, плакать стеснялся, да и родственников впереди уж больно много было. Потом, когда прощаться стали, все прошли мимо, в лоб ее поцеловали по разу, я подошел. Не знаю, поцеловать мне ее или нет, а она в гробу, как живая лежит. Решил - поцелую. Наклонился к ней, хотел поцеловать в щеку, вот лицо опускаю, вдруг вижу - а она глаза открывает, на меня смотрит и улыбается. А во рту у нее полно зубов, острые, как пики, кровь сквозь них течет, а она меня взглядом сверлит. Я чуть было не заорал, но сморгнул - и все пропало. Она опять мертвая, и вовсе не улыбается, и никаких зубов. Но мне показалось тогда, что уголки губ у нее все же приподняты. Она как будто приготовилась улыбнуться, как будто говорила: "Подожди, дружок, сегодня ночью я к тебе приду, малыш". Но никто тогда не заметил ничего.

Он замолчал. Тут я подняла голову и заметила, что девушка смотрит на нас во все глаза. Выражение ее лица не сулило ничего хорошего. Она решительным шагом направилась к нам, уперла руки в бока и заявила:

- Так, ну-ка, выметайся! Нечего тут пугать приличных людей! Вот сдача, мне не надо! Чтоб духу твоего здесь не было! Через минуту чтоб ушел! По ее лицу я поняла, что она напугана до полусмерти. Я ждала, что сейчас Сергей замкнется и я больше ни слова не услышу. Я почти надеялась на это. Но он встал, посмотрел на меня и сказал:

- Если хочешь дослушать, пойдем, тут недалеко детская площадка есть, там домики - грибочки, можно посидеть.

- Да, пожалуй, - согласилась я.

- Эй, девушка, можно вас! - окликнула меня девица. Я подошла к ней.

- Ну ты че, в своем уме, нет? Это же маньяк, точно тебе говорю! - театральным шепотом возвестила она, косясь на моего собеседника. - Зарежет тебя, и поминай, как звали. Сиди здесь, будет приставать, я милицию позову, тут милиция через дом. Не ходи с ним никуда!

- Спасибо вам, - сказала я, оценив заботу. - Но я не думаю, что он маньяк. Я позабочусь о себе, не волнуйтесь.

- Ну и иди, дурища! - неожиданно рассердилась девица. - Мне-то что, о тебе забочусь. Иди, пусть он тебе кишки выпустит!

Я пожалала плечами и вышла вслед за Сергеем, который стоял, ссутулившись, и прикуривал, прикрывая слабый огонек зажигалки от порывистого ветра. Закурила и я. По дороге мы взяли еще бутылку, зашли в темный, пропахший кошками двор, немного помолчали.

- Я с тех пор плохо понимаю, сплю я или бодрствую. Мне сейчас тридцать четыре, а я уже весь седой. С тех пор девятнадцать лет прошло, но если бы все кончилось тогда, я бы, может, и забыл обо всем. Через четыре года дом наконец-то снесли, и я надеялся, что смогу про все это забыть. Четыре года я ходил в обход, делая полтора квартала крюка, лишь бы не проходить рядом с этим проклятым домом. Однажды мне приснилось, что я стою перед этой дверью, держу ее обеими руками, но она все равно открывается, медленно, неторопливо, но верно. Она открывается, и в щель между косяком и дверью высовывается рука, вся гнилая, с червяками. И смех, все тот же смех. Я тогда воплем весь дом перебудил, мать прибежала, а я лежу, смотрю на свои руки и ору. Она ничего не заметила, но я тебя скажу: у меня между пальцами застряли кусочки облупившейся зеленой краски. Я тогда кровать намочил, но ничуть этого не стесняюсь.

Любой бы на моем месте намочил. Скажи, могло это быть, а? Могла эта проклятущая краска, которая где-то далеко на свалке валяется вместе с дверью, попасть мне на руки из сна? Может, эту дверь кто-то на дрова взял, в печке ее сжег. Но я надеюсь, что никто к ней не притрагивался, никому я этого не желаю.

Сергей говорил, уже не глядя на меня. Я поняла, что если сейчас, например, уйду куда-нибудь, он будет продолжать говорить. И я не перебивала его. Мне было страшно даже просто смотреть на человека, с которым случилось такое.

- Я был там еще дважды, - неожиданно сообщил он. - Не веришь? Через шесть лет после того случая, через два года после того, как дом снесли. Я слонялся взад и вперед, не знал, чем бы заняться. Был день, вполне ясный и обыкновенный. Я шел куда глаза глядят. Куда-то сворачивал, не смотрел ни на кого. Потом подумал, а не зайти ли к другу в гости, как раз мимо его дома проходил. Панельный дом, плиткой белой отделанный. Маляры возятся с соседним подъездом, красят дверную коробку. Если б я посмотрел, что делаю, в жизни бы не пошел туда. Но как-то не подумал, идиот. Ну, ты представь себе, день ясный, солнышко светит, птички поют, люди кругом ходят. Какая разница, что дверь покрасили зеленой краской?

Я задохнулась в ожидании.

- Я зашел в подъезд, вызвал лифт, доехал до последнего этажа, где жил мой друг. Он мне открыл, но вид у него был какой-то обескураженный, словно у него, скажем, девушка и я в неподходящий момент пришел. Но он провел меня в кухню, поставил чайник. Мы с ним немного побеседовали, а потом он извинился, сказал, что ненадолго выйдет и пошел за чем-то в ванную. Через некоторое время, а друг все не шел, я прислушался и услышал, что из ванной доносятся какие-то странные удары. Как будто по матрасу чем-то лупят, плеск воды и чертыхание Витьки. Я зашел в ванную и остолбенел. Витька стоял, голый по пояс, вся ванная заляпана кровью, она была везде, на полу, на стенах, на потолке, в руке у него топор, а в ванной женский труп, без рук, без ног. А в раковине лежит голова. Я пригляделся, а это Витькина мать, я с трудом ее узнал. Витька повернулся ко мне, ухмыляется во весь рот да и говорит:

- Ну, раз ты видел, помог бы!

Я, как рыба на берегу, рот разеваю, а слова не проходят, воздух не идет. Наконец я справился и говорю:

- Ты что наделал, идиот!

А он мне:

- Будет знать, как не давать мне денег, старая сука!

Потом он повернулся к раковине и плюнул ей на лицо. А она открыла глаза и скрипит таким голосом, знаешь, как будто дверь несмазанная, такой пронзительный визг:

- И не дам, и не проси! Я не денежный мешок!

Потом посмотрела на меня, засмеялась и говорит:

- Что ж ты стоишь, Сереженька, помоги другу, раз пришел!

Я вылетел из квартиры, как пробка. Выбегаю на лестницу и вижу - это не Витькин подъезд. Старая такая лестница, с широким пролетом, и марши по обеим сторонам от него. Я бегу вниз, перепрыгиваю через ступеньки - смотрю, а прибежал-то наверх! Обрато прибежал! И обе лестницы ведут только вверх. А вниз нет маршей. То есть они есть, но этажом ниже, а туда прыгать - метра три, только ноги ломать. А тут хлопает дверь и Витька выходит, в одной руке топор, в другой - голова. И оба на меня смотрят и орут, орут так, что уши закладывает, визжат истошно, особенно башка старается. Я через перила ноги перебросил, а они орать перестали, Витька мне в глаза смотрит и говорит:

- Ты думаешь, что сможешь от нас убежать? Зеленые двери - они везде. С сегодняшнего дня даже твоя сортирная дверь - зеленая.

Тут-то я про высоту и позабыл, в пролет прыгнул. С тех пор хромаю слегка. И знаешь, что дальше было?

Я покачала головой.

- Я выбежал из подъезда. И это не был Витькин дом! Я стоял посреди стройки, на том месте, где был тот старый дом. Я выбежал на площадку, и возле меня вообще не было ни одной двери - ни зеленой, ни любой другой. Сергей хотел выпить, но, встряхнув бутылку и посмотрев на нее с отвращением, не стал. Зато я стала. Чуть-чуть полегчало, и я вновь устала на него.

- Я болел долго. Меня лечили, думали, это стрессы на работе. Ясное дело, я никому про дверь не рассказывал, боялся, с одной стороны, на всю жизнь загреметь в психушку, а с другой, боялся, что у меня не найдут никакого психического заболевания. Вот чего я боялся. Надо ли говорить, что через неделю ни Витьки, ни его матери не стало. Пожар среди ночи, выгорело все. Хоронили их в закрытых гробах, но на похороны я не пошел. Я вообще не выходил из дому.

Я снял все двери в квартире, даже в туалете снял, благо жил один. Моя боязнь дверей переросла в манию. Я уволился с работы, причем сделал это по телефону. Слава богу, что на свете есть друзья! Я не пошел бы даже в магазин. Я позвонил другу, объяснил, что сломал ногу, не могу ходить, и он привез мне мешок картошки и ящик тушенки. На этом я прожил месяц, но потом страх не то, чтобы ослабел, он отодвинулся куда-то на задний план. Я жил с ним, дышал им, но он уже не маячил у меня перед глазами. Я нашел в себе силы, нет, я заставил себя, открыть свою белую дверь и выйти на улицу. Если бы дверь в подъезде перекрасили в зеленый цвет, думаю, я спустился бы из окна по веревке, так сильно я хотел выйти на улицу. Спустя полгода я понял, что смогу избежать беды, если буду внимательно осматривать дверь, перед тем как войти. Мне даже пришло в голову, что нужно носить с собой бутылочку с краской, и если мне будет очень нужно зайти в зеленую дверь, я вымажу ее краской. и она уже будет не зеленая, а полосатая. Тогда-де она станет безопасна. Сергей посмотрел на небо. Луна в третьей четверти сияла очень ярко, фонари не светили, но света хватало. В этом свете я разглядела две мокрые дорожки, прочерченные на его лице. Отчаяние, ужас и тоска были в его глазах. Я протянула ему бутылку, он кивнул, и в один глоток прикончил ее содержимое.

- Я счастливо избегал проклятой двери тринадцать лет. Я переходил на другую сторону улицы, даже если оттенок был чуть-чуть близок к зеленому. Я уяснил, что любой другой цвет не опасен. Я уходил от беды, ловчил и петлял, как заяц. Моя фирма потеряла солидную сумму денег, только потому, что я не смог заставить себя открыть дверь офиса одного возможного партнера, но я об этом не жалею. Я-то знаю, что за ней оказался бы не он и сделки все равно не случилось бы. Но теперь я проиграл, и проиграл по-крупному. Я именно поэтому все тебе и рассказываю.

- Ты опять вляпался? - спросила я.

- Вроде того. И вляпался по-глупому. Глупее не придумаешь. Ничего особенного в этот раз не было. Я съел что-то весьма несвежее и мчался к туалету очертя голову. Какой цвет, какая дверь! Я просто влетел туда и распахнул дверцу кабинки. На толчке кто-то сидел, я хотел извиниться и выйти, но тот, кто сидел на нем, поднял голову и посмотрел на меня. Я сперва не мог понять, где же я видел его. А он смотрел и начал смеяться, просто громко хохотать, держась за живот. Он смеялся до слез, но вместо слез текла кровь, у него отовсюду текла кровь, он ею сочился. Он поднял руку и показал на меня пальцем, перестав смеяться так же внезапно, как и начал.

- Ты! - громко крикнул он. - Теперь ты! Попался! Попался!

Я захлопнул дверь, прижав ее спиной. Из-за нее доносились гневные крики, звон бьющегося фаянса, смех и брань. Но мне не было до этого дела. Потому что там, внутри, был я! Это я сидел на том толчке и показывал на себя пальцем, и сочился кровью и бушевал там, внутри - я!

Подавленная, я смотрела на него. Он вцепился себе в волосы, тряс головой, словно силясь отогнать кошмар.

- Слушай, а почему бы тебе куда-нибудь не уехать? - сказала я, просто чтобы подать ему хоть какую-то надежду.

- Глупости! Куда мне уезжать? Куда можно уехать от этого проклятия? А кроме того, у поездов зеленые двери...

- Но должен же быть выход! Просто веди себя осторожно! Избегай всего!

- Я не смогу избежать ничего. Уверен, все случится просто и естественно. Я могу сидеть дома и умереть от инфаркта, когда дверь какого-нибудь шкафа окрасится зеленым и из нее вылезет рука. Нет! Я пропал, это уже свершившийся факт. Я просто хотел кому-нибудь рассказать свою грустную историю, вот тебе и рассказал. А теперь - прощай. Спасибо тебе, что дослушала до конца. Пойду-ка я домой. Ты хорошая девушка.

Он пожал мне руку и побрел в глубь двора. Я смотрела ему вслед до тех пор, пока он не перестал быть виден, а затем, терзаемая переживанием за этого человека, повернулась и пошла к вокзалу. Время поджимало, поезд уходил через полчаса. По пути я завернула в тот самый бар, чтобы купить себе чего-нибудь в дорогу, точно зная, что не смогу уснуть. Девицы в баре уже не было, там бойко суежилась другая, вероятно, ее сменщица. Купив бутылку пива и пяток бутербродов, я вышла.

Я уже направилась к вокзалу, когда сзади донесся скрежет и вой тормозов, удар, а следом - короткий крик. Я оглянулась. На асфальте кто-то лежал ничком. Возле головы растекалось темное пятно. Машина, сбившая его, умчалась в ночь, не оказав помощи. Поняв, кого именно сбило, я даже не попыталась оказать помощи. Я знала, что Сергей мертв. Вместо того, чтобы посмотреть на тело, я посмотрела на бар. Вернее, на его вывеску. Не знаю, почему, но я ожидала того, что увидела.

Переливаясь блеклыми неоновыми трубками, часть из которых не горела, над входом в бар светилось его название. "Зеленая дверь".== Читать ещё ==

- [Монархист](#)